

ОТ РЕДАКТОРА

Этот сборник – 10-й выпуск «Проблем истории России» – приурочен к 80-летию выдающегося русского историка, источниковеда, дипломатиста, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Российской Академии наук, председателя Археографической комиссии Института славяноведения РАН Сергея Михайловича Каштанова и посвящается ему. Сама идея издания такого сборника не вызвала сомнения. Сложности возникли тогда, когда встала необходимость написать к нему предисловие, традиционное редакторское обращение к читателю.

В самом деле, что можно написать о юбиляре сверх того, что уже было написано и сказано? Масштаб личности Сергея Михайловича, его вклад в развитие отечественной исторической науки столь велики и многогранны, что тому, кто берется писать об этом, приходится балансировать между крайностями. Можно написать краткий биографический очерк ученого; можно скрупулезно перечислить его достижения, звания и награды, основные труды и вехи профессионального роста. Что получится «на выходе»? Выписка из личного дела? «Объективка» из отдела кадров? Громоздкая и неуклюжая компиляция, собранная из доступных печатных и электронных «биографий»? В таком результате я не видел ни смысла, ни удовольствия.

Писать о Каштанове-человеке, о личности в историографии и личности на фоне (в контексте) эпох – именно эпох, потому что юбиляр вместе со страной пережил несколько жизней и этот процесс продолжается? Есть ли у меня необходимые для того знание и право? Мы с Сергеем Михайловичем знакомы достаточно давно, с 1988 года, но общаемся редко и фрагментарно. Слава Богу, живут и здравствуют люди, знающие его гораздо лучше и теснее: его родные и близкие, его друзья, в том числе еще по студенческой юности, его многочисленные ученики, даже некоторые из его учителей. Их воспоминания, их высказывания и оценки, в том числе и публиковавшиеся, несомненно ценнее, точнее, правомочнее, ярче тех строк, которые может породить мой скромный опыт личного общения с С. М.

Помощь пришла совершенно неожиданно, в телефонном звонке Ольги Тюренковой, одной из учениц С. М. и моей однокашницы по студенче-

ству в МГИАИ: «Давай возьмем у С. М. интервью...». Эта идея показала мне превосходной! Интервью с таким человеком как Каштанов – само по себе украшение любого издания, но кроме того оно снимало с меня груз вводной редакторской статьи. Юбиляр сам расскажет о себе, сам поделится своими мыслями и соображениями о профессии, о времени, о жизни, а редактору останется написать несколько общих фраз, представить содержание сборника и с чистой совестью подписать его в печать.

Но как известно, от замысла до воплощения пролегает дистанция изрядного размера, а результат бывает непредсказуем. Беседа с Сергеем Михайловичем растянулась во времени. Высокая требовательность к себе, к слову и мысли, свойственная юбиляру, заставляла тщательно работать над текстом, не довольствуясь публикацией расшифрованной диктофонной записи. Пожалуй, больше всего досталось интервьюеру – Ольге Тюренковой, разрывавшейся между «издателем» и «художником». Верный своей «присяжной должности», я по-редакторски на нее давил: ведь дни складывались в недели, кончался один месяц, начинался другой, с пугающей быстротой катился к закату 2012-й – юбилейный – год, а так хотелось успеть. Но на мое очередное: «Все! Еще два-три дня и я сдаю сборник в верстку, пусть будет как есть», я слышал, что С. М. недоволен текстом, что он работает, что надо дать пояснения к упоминавшимся в беседе именам, что надо найти правильный баланс между живой речью и языковой нормой, что еще немного и...

В конце концов, оно того стоило. Журналистский жанр интервью превратился, в результате, в жанр литературного диалога, классического по форме и невероятно живого и разного по содержанию. Цельность замысла оказалась гармонично связана с «многофигурностью» композиции, серьезнейшие предметы профессиональных обсуждений легко сочетались с почти мальчишескими сюжетами и интонациями, осмысление проблем труда и этики историка – с ситуациями житейского выбора.

Чем больше я вчитывался в текст, тем больше я понимал – не снимает этот диалог бремени редакторского предисловия, не обойтись двумя-тремя дежурными фразами. Размышления Сергея Михайловича побуждали к собственным рассуждениям, к выражению моего собственного отношения к юбиляру, на каком бы зыбком фундаменте оно не основывалось. В этом стремлении – не самолюбование туристического снимка: «Я на фоне собора Святого Петра», не самоупоение мухи на рогах вола: «Мы пахали!». Это, скорее «амаркорд» – «я помню», «я вспоминаю»; вспоминаю, как мальчик из одноименного фильма Феллини, отрывочно и нелогично, встречу и знакомство с большим явлением моей жизни – Сергеем Михайловичем Каштановым.

Нас, меня и моих однокурсников и товарищей, студентов-стажеров IV курса МГИА Сергея Белобородова и Петра Мангилёва, приехавших на годичное обучение из Уральского госуниверситета в 1988 г., представила Елена Аркадьевна Белоконь, добрая наша покровительница во время московского бытия (язык не поворачивается назвать ее казенным словом «куратор»): «Ребята, – Сергей Михайлович Каштанов». Дело происходило на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, под ее круглыми сводами, в МГИАИ на Никольской, а тогда – на улице 25 Октября. Если в нашей жизни годичная стажировка в Историко-архивном, организованная блестящим и авантурным замыслом нашего руководителя, Рудольфа Германовича Пихои, стала ярчайшим событием профессионального становления, то знакомство с С. М. – первой ярчайшей встречей в МГИАИ. Много лет спустя я прочитал в каком-то из изданий, посвященных Историко-архивному, что в его истории было два периода расцвета и подъема: в 1960-е и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Теперь понимаешь, насколько это справедливо по отношению ко второму периоду (о первом, в силу возраста, могу судить только с чужих слов). Нам действительно повезло, поскольку в это время в институте преподавал цвет российской исторической науки: Сигурд Оттович Шмидт, Ольга Михайловна Медушевская, пришедший из МГПИ (и, увы! очень ненадолго) Владимир Борисович Кобрин, Александр Лазаревич Станиславский (возглавлявший тогда кафедру ВИД), Аркадий Иванович Комиссаренко, Виктор Александрович Муравьев и многие, многие другие. И конечно, Сергей Михайлович.

Тогда, в эти первые мгновенья знакомства, С. М. был для нас, в буквальном смысле, «человек с обложки», имя, сошедшее со страниц учебника по источниковедению СССР. Очень трудно передать то чувство, которое мы испытали тогда. Наверное, так ощущал бы себя начинающий провинциальный актер, представленный МХАТовским старикам. Между тем С. М. меньше всего изображал из себя небожителя. Это стало понятно сразу, когда он немногословно приветствовал нас, пригласив на свой спецкурс по дипломатике и на заседания научного семинара «Источниковедение истории России X–XVIII вв.». Так начался наш первый и самый плотный период общения.

Я не могу считать себя учеником Сергея Михайловича, но его влияние на всю мою дальнейшую профессиональную судьбу несомненно. При всем различии тематики наших специальных исследований, донныне я вспоминаю спецкурс по русской дипломатике, который не только по сей день поддерживает мой интерес к медиевистике и источниковедению нашего средневековья, но оказывается полезным при чтении общего курса по истории России с древности по XVII в., при проведении спецкурсов по истории русского средневекового права, источниковедению Древней Руси.

Однако, главное, как кажется, не в этом. Главное заключается в том, что работа в семинаре С. М., его манера обращения с учениками, его суждения по разным вопросам, отношение к профессии – все это образцы Большого стиля, сегодня, по-моему, неумолимо уходящего из цехового обихода, почти недостижимого, но задающего высокую планку, к которой хочется стремиться, с ужасом понимая всю сложность этой задачи.

Как-то раз, уже после нашего пребывания на стажировке, в 1993 г. С. М. приехал в Екатеринбург на конференцию. Я водил его по старым кварталам, показывал город и, между делом, рассказывал о повальном увлечении местных историков (главным образом из числа бывших историков КПСС непрофильных ВУЗов) «теорией цивилизаций», которая, как им казалось, может стать спасительной соломинкой и заменой ими же когда-то пропагандируемому учению о общественно-политических формациях. Я сетовал на то, что плохо представляя, что такое цивилизация даже на уровне определения, эти товарищи со свойственным им апломбом, тем не менее уже рассуждают о российской цивилизации, не имея ни малейшего понятия о источниках, не умея читать скорописи (я знавал таких «мастеров», которые, вынужденно приходя в архив, искренне удивлялись, что документы XVIII в., например, написаны так «непонятно», видимо, ожидая увидеть машинопись) и, самое главное – пишут учебники. Надо заметить, что в силу своего холерического темперамента, я говорил быстро и много; флегматичный Сергей Михайлович, говорящий немногословно и как бы порциями, по большей части молчал. Это несовпадение темпераментов и темпов речи смущало меня, создавало мучительное ощущение собственной суетливости и неубедительности. Я начал стараться делать паузы и говорить медленнее. Наконец, после очередной моей тирады по поводу расплодившихся «цивилизационных» учебников, С. М. заметил: «Главная их беда в том, что они не стремятся к совершенству».

Эта реплика застряла в памяти и только позже я понял, почему. Да потому, что для самого С. М., как и для ряда историков его поколения (я имею в виду «культурное поколение», а не демографическую единицу), стремиться к совершенству было и остается естественным. Откровенное же нестремление к совершенству – противоестественным, вызывающем органичное неприятие, может – сожаление или даже брезгливость. В этой связи мне вспоминается очень близкое по духу, хотя более конкретное по предмету замечание Геннадия Григорьевича Литаврина о необходимости формировать источниковую базу научного исследования до полной исчерпаемости источников. Вот в этом стремлении к совершенству и заключается, наверное, главное, определяющее для меня С. М. Каштанова.

Д. А. Редин